

Завязкина Ирина Николаевна

РЕЧЕВОЙ ЖАНР ЧАЙНОГО РЕЦЕПТА: ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ПАРАМЕТРЫ

Статья посвящена рассмотрению основных жанрообразующих параметров речевого жанра чайного рецепта. Анализ языкового материала позволяет автору сделать вывод о том, что коммуникативная цель, образ адресанта, образ адресата, фактор событийного прошлого, фактор событийного будущего, структурные и языковые особенности зависят от различных типов дискурса. Данные жанрообразующие признаки видоизменяются при переходе чайного рецепта из одной сферы функционирования в другую. Описание параметров производится по моделям речевого жанра Т. В. Шмелевой и Н. Б. Лебедевой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 2. С. 123-125. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.161.1+81'38

Статья посвящена рассмотрению основных жанрообразующих параметров речевого жанра чайного рецепта. Анализ языкового материала позволяет автору сделать вывод о том, что коммуникативная цель, образ адресанта, образ адресата, фактор событийного прошлого, фактор событийного будущего, структурные и языковые особенности зависят от различных типов дискурса. Данные жанрообразующие признаки видоизменяются при переходе чайного рецепта из одной сферы функционирования в другую. Описание параметров производится по моделям речевого жанра Т. В. Шмелевой и Н. Б. Лебедевой.

Ключевые слова и фразы: речевой жанр; чайный рецепт; жанрообразующие параметры; коммуникативная цель; образ адресанта и адресата; факторы прошлого и будущего; структурно-языковой параметр.

Завязкина Ирина Николаевна, к. филол. н., доцент
Северо-Кавказский федеральный университет
irina.zavyazkina@yandex.ru

РЕЧЕВОЙ ЖАНР ЧАЙНОГО РЕЦЕПТА: ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ПАРАМЕТРЫ

Речевая модель жанра чайного рецепта (далее – ЧР) может быть описана в определенных параметрах, необходимых для характеристики и конструирования данного жанра. Рассматривая особенности ЧР в жанровом пространстве коммуникации в целом и в жанровом пространстве «чайной» коммуникации, в частности, мы пришли к выводу, что структурно-языковая организация, набор речевых действий, оформляющих речевой жанр (далее – РЖ) ЧР, зависят от таких жанрообразующих признаков, как коммуникативная цель, образ адресанта, образ адресата, фактор событийного прошлого, фактор событийного будущего, фактор коммуникативного будущего, формальное воплощение. При описании данных конститутивных характеристик мы опирались на модели РЖ, предложенные Т. В. Шмелевой [7; 8] и Н. Б. Лебедевой [4], на деривационную типологию РЖ М. А. Кантуровой [3] и др.

Рассмотрим названные параметры.

1. **Коммуникативная цель.** ЧР является полиинтенциональным РЖ: может быть информативным РЖ, цель которого – познакомить с информацией; императивным РЖ, намерение которого – вызвать осуществление события; эстетическим РЖ, коммуникативная цель которого связана с восприятием высшего искусства чаепития как особого вида идеологии, обряда.

Функции ЧР напрямую связаны и с его видами (ЧР для чаепития, ЧР в кулинарии в качестве приготовления отдельной пищи и приправ, лечебный ЧР, косметический ЧР и другие рецепты.). В одном и том же виде РЖ ЧР коммуникативные намерения могут совмещаться.

Если обратиться к истории возникновения чайного напитка, то деривационным инвариантом РЖ ЧР можно считать рецепты бытовой сферы, о которых все говорят, но которые никто не помнит (один из них упоминается в китайской легенде). Вслед за повседневными чаепитиями появились изысканные ритуалы, «рецепты чайных церемоний», которые рождали особые возвышенные и торжественные чувства, давали возможность насладиться всеми достоинствами чая: формой листа, цветом настоя, ароматом и вкусом. Отношение к приготовлению чая и к процессу чаепития было проникнуто своеобразной философией эстетизма, высокой поэзией искусства. В представлении японцев, например, «человек, умеющий жить, видит радости жизни там, где другие проходят мимо них» [5, с. 61]. В. В. Овчинников, проживший несколько лет в Японии, отмечал, что «чайная церемония учит находить прекрасное в обыденном. Это соединение искусства с буднями жизни» [Там же]. «Если страсти, бушующие в человеческой душе, – пишет он, – порождают определенные жесты, то, считает мастер чайной церемонии, есть и такие жесты, которые способны воздействовать на душу, успокаивать ее. Строго определенными движениями, их красотой и размеренностью чайная церемония создает покой души, приводит ее в состояние, при котором она особенно чутко отзывается на вездесущую красоту природы» [Там же].

В этом случае для ЧР эстетическая и императивная функции выходили на первое место.

2. **Образы адресанта и адресата.** Образ адресанта РЖ ЧР тесно связан с образом адресата, поскольку от их отношений зависит успешное осуществление РЖ (так называемый «портрет на фоне», по Т. В. Шмелевой [8, с. 85]).

Данная зависимость обусловлена и этимологически: слово «рецепт» восходит к латинскому «*receptum*» и обозначает «полученное обратно» [6, с. 832]. ЧР предполагает заинтересованность автора в правильном исполнении действия, а получателя – в предоставлении информации. В особых случаях (см. чайные церемонии) адресант ЧР является профессионалом, мастером чайного действия, который «делает все это так, словно он верховный жрец, выполняющий религиозный обряд» [5, с. 60]. Для приготовления чая, по словам Б. Б. Виноградского, «потребен подходящий человек, который достоинством своим был бы равен достоинству чая. Такой человек должен обладать душой возвышенного отшельника, хранящего в себе красоту туманной дымки, горных ключей и могучих скал» [Цит. по: 1, с. 10].

В зависимости от различных церемониальных ЧР, чайных традиций, а также повседневных форм приготовления чая определяется пол адресанта, что указывает на гендерный аспект данного РЖ.

Так, например, в древней китайской чайной традиции выполнял чайное действие хозяин дома, сегодня же известные из прошлых веков чайные церемонии Гунфу Ча, Пиньча, приготовление чая в гайвани (чашке с крышечкой), варка чая методом Лу Юя и т.д. проводят и женщины. В Японии чайную церемонию под названием Ша Но Ю проводят тоже они. Гейша выступает в роли хозяйки на важных деловых встречах, которые происходят в чайных домах, и ее присутствие символизирует в Японии гостеприимство на высшем уровне. За русским купеческим чайным столом только хозяйка могла наливать чай из самовара и подавать гостям. В современном повседневном заваривании чая принимают участие как женщины, так и мужчины.

3. Событийное прошлое, событийное будущее, коммуникативное будущее. Для данного РЖ важен образ событийного прошлого, связанного с местом, временем, технологией производства, сбора и хранения чая (завяливание листьев, их скручивание, сушка, сортировка, расфасовка и т.д.).

Другой симметричный параметр, характеризующий РЖ ЧР, связан с образом событийного будущего, поскольку предполагает приготовление чая, а также «дальнейшее развитие речевых событий, воплощающихся в появлении других жанров» [8, с. 86]. Следовательно, предшествующее и последующее для РЖ ЧР существенны.

РЖ является монологичным. Исключением является церемониальный рецепт, где диалогичность становится особой формой отношений, и тогда событийное прошлое переходит в коммуникативное будущее. См., например, из воспоминаний о японском чаепитии Б. Агапова: «Предварительно нам объяснили, что разговоры во время церемонии не приняты и что только после последнего глотка можно и даже поощряется спросить, откуда посуда, как давно ее делали, кто мастер, и отозваться хорошо о чашках, о кисточке, о качестве чая...» [Цит. по: 5, с. 64].

4. Формальное (языковое) воплощение. Многообразие возможностей формального воплощения РЖ ЧР зависит от языковых и речевых возможностей самих участников рассматриваемого жанра, их вкусов и предпочтений.

Вербальный текст «рецепта чайной церемонии», как правило, сопровождается фотографиями, схемами, рисунками, образуя смысловое и функциональное целое. В «чайных» блогах иногда отдельно содержатся только фото-рецепты.

Параметр языкового воплощения, который является, по словам Т. В. Шмелевой [8, с. 89], наиболее важным лингвистически, поскольку все остальные жанрообразующие признаки влияют на него, выводит РЖ ЧР в пространство структурно-языковых возможностей, ресурсов жанра с их сложнейшей дифференциацией в зависимости от требований речи.

В этой связи считаем необходимым отдельно рассмотреть структурно-языковую организацию РЖ ЧР.

Выводы.

1. ЧР в одних случаях может квалифицироваться как собственно РЖ, в других – как речевой субжанр (в качестве вида кулинарного рецепта).

2. ЧР является полиинтенциональным РЖ, объединяющим информативную, императивную и эстетическую функции.

3. Образы адресанта и адресата тесно связаны друг с другом, что обусловлено этимологией самого слова «рецепт». Немаловажное влияние на жанрообразующие параметры оказывает гендерная характеристика адресанта.

4. От такого жанрообразующего параметра, как событийное прошлое, зависит определенный признак РЖ ЧР – событийное будущее: правильный сбор и хранение чая влияют на его приготовление. Коммуникативное будущее связано с другими жанрами чаепития: приглашением на чай (ответом на это приглашение: отказом или согласием), чайным меню, чайной беседой (семейной чайной беседой, чаем вдвоем, деловой чайной беседой) и т.д. Таким образом, РЖ ЧР входит в структуру гипержанров чаепития – речевых форм, объединяющих несколько жанров; является связующим звеном в межжанровом пространстве всего чаепития.

5. Устный жанр ЧР (бытового и церемониального) отличается от письменного жанра; жанр современного ЧР – от архаичного жанра, представляющего собой чайное действие (чайные церемонии); жанр ЧР в бытовом дискурсе – от жанра ЧР в профессиональном дискурсе (сфере мастеров чайного искусства); РЖ ЧР в «гастрономическом» дискурсе – от РЖ в художественном дискурсе.

Список литературы

1. **Виноградский Б. Б.** Путь чая. М.: Изд-во Жигульского, 2006. 160 с.
2. **Завязкина И. Н.** Речевой жанр чайного рецепта: модификационные и мутационные процессы производительности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39). Ч. 2. С. 67-70.
3. **Кантурова М. А.** Деривационные процессы в системе речевых жанров (на примере кулинарного рецепта): автореф. дисс. ... к. филол. н. Новосибирск, 2012. 29 с.
4. **Лебедева Н. Б.** Жанры естественной письменной речи // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / общ. ред., предисл. К. Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2007. С. 116-123.
5. **Овчинников В. В.** Сакура и дуб: Ветка сакуры; Корни дуба. М.: Дрофа, 2005. 512 с.
6. **Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов** / РАН. Ин-т русск. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с. (ТСРЯ).
7. **Шмелева Т. В.** Жанроведение? Генристика? Генология? // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / общ. ред., предисл. К. Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2007. С. 62-67.
8. **Шмелева Т. В.** Модель речевого жанра // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / общ. ред., предисл. К. Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2007. С. 81-89.

THE SPEECH GENRE OF TEA RECIPE: GENRE-FORMATIVE PARAMETERS

Zavyazkina Irina Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
North Caucasian Federal University
irina.zavyazkina@yandex.ru

The article is devoted to the consideration of the main genre-formative parameters of the speech genre of tea recipe. The analysis of the linguistic material allows the author to conclude that the communicative purpose, the image of the addresser, the image of the addressee, the factor of the eventful past, the factor of the eventful future, structural and linguistic peculiarities depend on the different types of discourse. These genre characteristics undergo the modification in the transition of tea recipe from one functioning sphere to another. The description of the parameters is made on the basis of the speech genre models by T. V. Shmeleva and N. B. Lebedeva.

Key words and phrases: speech genre; tea recipe; genre-formative parameters; communicative purpose; image of addresser and addressee; factors of the past and the future; structural and linguistic parameter.

УДК 811. 251.32

Одной из актуальных проблем кавказского языкознания является разграничение служебных частей речи от знаменательных и выявление их происхождения. Основной задачей данной статьи является анализ научных исследований кавказоведов, посвященных освещению лингвистических контактов табасаранцев, приведших к заимствованию лексических единиц, а также выявление и описание заимствованных из арабского, персидского и азербайджанского языков служебных слов (союзов и частиц) в табасаранском языке.

Ключевые слова и фразы: табасаранский язык; заимствования; кавказские языки; союзы; частицы; азербайджанизмы; арабизмы.

Загиров Велибек Мирзабекович, д. филол. н., профессор
Адилов Ашурали Гаджибалаевич, к. филол. н., доцент
Курбанова Раисат Габидулаевна
Дагестанский государственный педагогический университет
vmirzabekovich@mail.ru

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА В ТАБАСАРАНСКОМ ЯЗЫКЕ

За период своего самостоятельного существования табасаранский язык имел многообразные по форме, продолжительности и результатам связи с другими языками. Контакты табасаранского языка, историческое прошлое табасаранцев недостаточно полно отражены в историко-этимологических исследованиях по табасаранскому языку, как и в ряде других языков лезгинской группы, прошедших аналогичный путь развития. Однако исследование контактов табасаранского и других языков лезгинской группы с окружающими их языками в настоящее время и в прошлом имеет большое научное значение как процесса формирования национальных языков и их диалектов, так и истории развития и движения этноса.

К настоящему времени накоплен большой материал о связях табасаранского и других языков лезгинской группы со многими языками мира, приведших к заимствованию иноязычных лексических единиц. Из кавказских языков табасаранский язык имел контакты с лезгинским, агульским, даргинским и некоторыми другими языками. Из индоевропейских языков табасаранский язык контактировал с русским, татским (горско-еврейским), персидским языками, из семитских языков табасаранский язык имел лингвистические контакты с арабским, а из тюркских языков – с азербайджанским.

Названные кавказские языки – агульский, лезгинский, даргинский – обнаруживают ряд общих особенностей: территориальное соседство, генетическое родство, входят в единую подгруппу кавказских языков, а лезгинский и агульский вместе с табасаранским восходят к одному языку-основе [2, с. 57]. Отмеченными особенностями объясняется то, что табасаранский язык, имея многообразные контакты и вековое соседство, не заимствовал из агульского, лезгинского и даргинского языков сколько-нибудь значительных лексических единиц, а отдельные заимствованные лексемы остались достоянием пограничных говоров табасаранского языка.

Начиная с 1720 г., т.е. после прибытия в Дагестан экспедиции Петра 1, а затем и присоединения Дагестана к России в 1813 г. [12] табасаранский язык больше контактировал с русским языком. Интенсивные табасаранско-русские языковые контакты, которые отразились на лексике, признанной самой проницаемой сферой языка, заняли особое место в пополнении словарного состава табасаранского языка путем заимствования иноязычных лексических единиц. Анализ русских заимствований в табасаранском языке посвящена кандидатская диссертация Н. Э. Сафаралиева [17]. Результатом фронтального исследования табасаранско-русских языковых контактов стала монография В. М. Загирова, Н. Э. Сафаралиева [10]. Из русского языка проникли в табасаранский язык более трех тысяч слов. Однако служебные слова русского происхождения табасаранский язык не заимствовал.